В рамках реализации государственной программы и предвыборных обещаний Президент России В.В. Путин 20 октября 2012 г. подписал Указ № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания». В настоящее время в Администрации Президента России создано Управление по общественным проектам, призванное укрепить духовно-нравственные основы российского общества, совершенствовать государственную политику в области патриотического воспитания, разработать и реализовать значимые общественные проекты [3, ст. 2].

В проекте Стратегии государственной национальной политики, разрабатываемой рабочей группой Совета при Президенте России по межнациональным отношениям во главе с заведующим кафедрой национальных и федеративных отношений Института государственной службы и управления персоналом РАНХиГС при Президенте Российской Федерации в разделе «Задачи государственной национальной политики в сфере образования» говорится об обеспечении формирования общегражданского мировоззрения человека, необходимого для утверждения общероссийской гражданской идентичности, сохранения его национальной самобытности, воспитания культуры межнационального общения и патриотизма на основе повышения роли гуманитарных дисциплин в изучении исторического опыта культурного взаимодействия народов России, роли русской культуры и русской нации в развитии культуры народов России, а также в воспитании культуры межнационального общения, обогащения знаниями о народах России, знаковых событиях, раскрывающих истоки общероссийского единства и солидарности.

Приоритетной задачей современной системы образования становится внедрение общих оснований развития социально-гуманитарного познания как одного из условий обеспечения общероссийской идентичности в школьные образовательные стандарты. Ведь именно «школьная парта» играет огромную роль в процессе воспитания подрастающего поколения, которое в будущем начнет активно влиять на развитие сплоченной сверхнации. А сверхнация в виде общероссийской идентичности непременно приведет нашу страну к процветанию.

Литература

1. *Дробижева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость / Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 242.
2. О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания: Указ Президента Российской Федерации от 20.10.2012 г. № 1416 // Собр. законодательства РФ. 2012. №43, ст. 5817.
3. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы»: постановление Правительства Росийской Федерации от 05.10.2010 г. № 795 // Собр. законодательства РФ. 2010. №10, ст. 787.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Сергей РЕКЕДА

аспирант РАНХиГС, младший научный сотрудник кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Теория цивилизаций на рубеже XX-XXI вв. стала активно рассматриваться как замена формационного подхода, как универсальная парадигма, поскольку она, подобно прежней, выполняла просветительские и воспитательные функции, будучи основана на изучении национальных традиций, утверждении национальной идеи, сохранении основных тенденций образования и воспитания. Считалось, что с ее помощью можно объяснить и отечественную, и всеобщую историю.

То, что цивилизационный подход имеет огромное преимущество, поскольку сочетается с социокультурной историей, бесспорно. Но очевидно и то, что этот подход не является универсальным. Даже категория «цивилизация» требует дополнительного изучения и осмысления. Цивилизация представляется по большому числу критериев, выделяемых на основе географических, природных, религиозных, экономических и других факторов, и это затрудняет понимание сущности цивилизации.

Кроме того, «атомизация» истории на основе цивилизационного подхода не позволяет проводить синхронистические сравнения в рамках всемирной истории. А главное – еще не доказано, что общества, называемые цивилизациями, именно цивилизации, а не просто разные ступени развития человечества. В связи с этим отрицается понятие «цивилизованная страна» в привычном смысле слова – все страны считаются цивилизованными. Проявляется трансформация общечеловеческих ценностей в национальные, хотя разным народам свойственны, к примеру, стремление к миру и благополучию и т. п.

Еще одной концепцией, которая претендовала на универсальность и некоторое время была популярна среди российских историков, является теория модернизации. В отличие от цивилизационного подхода, который делит мир «горизонтально» на отдельные географические регионы со специфическим набором социокультурных характеристик, данная теория вслед за марксизмом пытается выделить общие для всех народов этапы в вертикали их исторического развития. Возможно, именно это сходство марксистского и модернизационного подходов обеспечило популярность последнего на рубеже XX-XXI вв. В рамках данной парадигмы история рассматривается как процесс перехода от традиционного или аграрного общества к индустриальному. Главным объектом изучения историков этой школы являлся процесс модернизации.

Важное отличие рассматриваемой теории от материалистического марксизма состоит в том, что в понятие модернизации включались отнюдь не только социально-экономические изменения общества, но и культурные, мировоззренческие метаморфозы личности, причем эти факторы играли далеко не последнюю роль.

Тем не менее и такой взгляд на историю не закрепился в научном мире надолго. В рамки данной парадигмы не всегда можно вместить особенности развития тех или иных стран. В результате встает вопрос: какое же развитие общества в итоге можно считать модернизацией? Имеет ли место феномен «альтернативной модернизации», если та или иная страна пошла «неэталонным» (не западным) путем преобразований? Кроме того, теория модернизации обладает объяснительным потенциалом по большому счету применительно лишь к новой и новейшей истории мира. Оценка же

ее критериями более ранних эпох, пожалуй, недостаточно обоснованна.

Не только эта, но и любая другая теория вряд ли в обозримом и даже необозримом будущем будет претендовать на универсальность. В результате такого положения сформировались две черты современной российской исторической науки:

– чрезмерная фрагментация исторического знания и теоретико-методологических подходов изучения истории;

– использование методов и наработок смежных областей знания – социологии, экономики, политологии, этнологии и др.

Соответственно, на данный момент не существует и комплексной методологии, применяемой при изучении общественно-политических трансформаций. Вместо этого используется набор концепций, каждая из которых изучает какой-то один узкий аспект цельного явления. Так, теория демократического транзита (А.Ю. Мельвиль, М. Макфол, В.Я. Гельман) рассматривает горбачевскую перестройку и последующие преобразования в посткоммунистической России и бывших социалистических странах как звенья одного глобального процесса – «всемирной демократической революции». Опираясь на узкоспециализированные исследования, историческая наука старается выработать такие универсальные категории, на основе которых можно выстроить теоретико-методологические подходы более высокого уровня обобщения.

В последние годы в научный оборот все больше входит подход, основанный на концептуальном понятии «тип развития». Сама категория «тип развития» в контексте данного метода означает «историческую тенденцию, характеризующую соотношение между потребностями и условиями развития общества» [1, с. 33].

С ходом истории определенный тип развития закрепляется в конкретных социальных институтах и воспроизводится через систему этих институтов. Одним полюсом всех возможных типов развития общества является инновационный тип, складывающийся в условиях достатка необходимых для развития жизненно важных средств и ресурсов. В основе его лежит «непрерывный и целенаправленный процесс поиска, подготовки и реализация нововведений, позволяющих повысить эффективность функционирования общественного производства, увеличить степень реализации потребностей общества и его членов, обеспечить улучшение жизнедеятельности общества. По сути, инновационный тип развития представляет собой расширение поля использования научного метода, включение в область его применения все более или менее значимых направлений человеческой деятельности» [2, с.48]. Доминирование экономических факторов в системе развития инновационного типа позволяет определить этот тип социальной организации как экономико-центричный. Такие характерные черты в общем и целом имеет инновационный тип общества, который сформировался (если рассматривать этот процесс в широкой исторической перспективе) в силу ряда обстоятельств в Западной Европе.

Другим флангом спектра типов развития общества является мобилизационный тип, который «формируется как способ развития в условиях дефицита необходимых для развития ресурсов (финансовых, интеллектуальных, временных, внешнеполитических и иных) и/или в случае опережения встающих перед социумом задач степени зрелости внутренних факторов либо субъектов развития» [1, с.35-37]. Принципиально важная отличительная черта данного общества от инновационного заключается в том, что мобилизационная модель развития формируется как инструмент разрешения противоречия между потребностями государства и возможностями населения по их разрешению. Это противоречие является основой несовпадения политических интересов, целей государства (суть которых – обеспечение безопасности и развития) с интересами и целями хозяйственных субъектов, возможности которых не соответствуют масштабу целей государства. Приоритет политических факторов в системе развития мобилизационного типа дает основание определить соответствующий тип социальной организации как политико-центричный.

При всей оригинальности данного подхода и высоком уровне обобщения эта концепция все же не является универсальной «теорией всего» от исторической науки. Понятие «тип общества», действительно, обладает большим объяснительным потенциалом для отдельных сюжетов российской и мировой истории, дает новый импульс исторической компаративистике. Но при комплексном изучении исторических процессов эта концепция оставляет за скобками многие важные причинно-следственные связи и взаимодействия.

Чрезмерная, на наш взгляд, фрагментация методологии исторических исследований в настоящее время непосредственно связана с той философской почвой, которая питает теоретический уровень науки. Господствующая ныне философия постмодернизма напрямую влияет на характер изучения прошлого человечества. Ключевой пункт здесь – понимание категории «истина». Как известно, в основе постмодерна лежит субъективизм восприятия бытия. Сторонники данной философской школы отказываются от платоновского понимания истины, утверждая, что это явление также относительно. В рамках постмодернизма истина становится лишь объектом веры, но никак не объектом изучения философии.

Несколько по-иному обстоят дела в науке, которая сама по себе призвана если не достигнуть, то максимально приблизить человечество к действительности. В условиях всеобщей субъективности и относительности научное сообщество стало опираться на конвенциональное понимание истины, особенно в гуманитарной области знания. Тем не менее существование множества смыслов, определяющих одно явление, не позволяет увязать их в единый объект осмысления.

Абсолютно идентичная ситуация и в исторической науке, в которой существует своя условная многоаспектная истина. При этом желание увидеть комплексно исторический процесс заставляет исследователя прибегать к максимально широкому набору методологического инструментария. Отсюда и неизбежная абсолютизация многофакторности современной истории и невозможность построения единой теории исследования.

Кроме того, подобное восприятие истины влечет за собой еще одну особенность нынешнего исторического знания. Под влиянием постмодернистских представлений всеобщей относительности теряет актуальность вопрос «истинно ли явление?». В рамках данной парадигмы целесообразнее задаться вопросом «что нового обнаружено при изучении того или иного явления?».

Под влиянием постмодернистской философии, стимулирующей фрагментацию научного знания, в исторической науке стали предприниматься попытки объединить чрезвычайную многофакторность общественного развития в рамках одной принципиально новой теории – синергетики, более или менее единого отношения к которой среди российских историков пока нет.

Особый интерес для исторической науки данная теория представляет уже в силу того, что она затрагивает непосредственным образом вопросы детерминизма. «Идея нестабильности не только в каком-то смысле теоретически потеснила детерминизм, она, кроме того, позволила включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность, дав, таким образом, возможность более полно включить человека в природу. Соответственно, нестабильность, непредсказуемость и в конечном счете время как сущностная переменная стали играть теперь немаловажную роль в преодолении той разобщенности, которая всегда существовала между социальными исследованиями и науками о природе» [3, с. 46-47].

Другими словами, включение в поле естественнонаучных исследований нестабильных систем в будущем может привести к стиранию грани между естественными

науками и гуманитарными в силу того, что сами общественные отношения с математической точки зрения являются частным случаем нестабильных систем. Основная проблема состоит в нахождении математических формул, характеризующих недетерминированные взаимосвязи.

Идеи синергетики и нелинейные математические модели уже сейчас частично используются в исторических исследованиях в рамках «целого направления – “клиометрии”» [4, с. 29].

Несмотря на это, многие российские и зарубежные историки достаточно скептически смотрят на перспективы синергетики в качестве универсальной теории общественного развития, применимой, в частности, и к изучению общественно-политических трансформаций. Основные претензии сводятся к тому, что за рамки синергетической парадигмы неизбежно выпадает сама человеческая личность, изучение его волевой и мотивированной деятельности. «…Синергетическая парадигма правомерна только по отношению к глобальным исследованиям истории человечества, когда многочисленные факторы и казуальные связи взаимно уравновешены, что и позволяет говорить о хаосе и саморегуляции» [4, с. 31].

Таким образом, историческая наука России во многом интегрирована в международное гуманитарное пространство и развивается в русле общемировых тенденций. В прикладных целях при изучении процессов общественно-политических трансформаций используется большое количество различных концептуальных подходов, на основе которых, тем не менее, невозможно сформировать единого полотна исторического развития. Сильное влияние постмодернизма лишь абсолютизирует многоаспектность и многофакторность истории, опираясь на идею относительности истинности. Данный процесс породил в современной гуманитарной науке диалектически взаимосвязанный противоположный вектор развития, сопряженный с синергетикой. Однако в этом случае проблема прямо противоположна недостаткам первой тенденции: математическое моделирование общественных процессов зачастую упускает из виду конкретно-исторические явления, а значит, тоже не может претендовать на всеохватывающий анализ. Между тем новый взгляд на проблемы детерминизма в исторической науке и на вопросы переломных моментов развития общества таит в себе большой методологический потенциал, который еще предстоит оценить.

Литература

1. *Гаман-Голутвина О.В.* Политическая элита России. Вехи исторической эволюции. М.: Росспэн, 2006.
2. *Фонотов А.Г.* Россия: от инновационного общества к мобилизационному. М.: Наука, 1993.
3. *Пригожин И.Р.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
4. *Хвостова К.В.* Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука // Новая и новейшая история. 2006. № 2.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ И ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ

Вероника ЗАКАТОВА

аспирантка кафедры информационного обеспечения внешней политики России факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова

Характеристика системы политических факторов инвестиционной привлекательности в современной России – актуальный вопрос как для российских бизнесменов и политиков, так и для международного научного сообщества. Консенсус-прогноз инвестиционной конференции World Money Show таков: нестабильность сохранится еще не один год; европейский кризис далеко не разрешен; наибольшую выгоду сулит инвесторам средний класс развивающихся стран.

Внимание инвесторов привлечено в первую очередь к странам БРИК* (Бразилия, Россия, Индия, Китай), которые к 2050 г. могут стать четырьмя доминирующими экономическими системами как страны, занимающие более 25% суши, имеющие 40% населения и объединенный валовой внутренний продукт (ВВП) $15 435 трлн [1]. Эти четыре страны являются самыми большими и наиболее растущими формирующимися рынками.

* С 2011 г. группа стала носить название БРИКС.

ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ 2012-2020

В настоящее время в РФ продолжает формироваться целостная система стратегического планирования, призванная, среди прочих задач, повысить инвестиционную привлекательность страны в целом и отдельных территорий в частности. Стратегический план Минэкономразвития России по привлечению капитала в отечественную экономику более чем амбициозен. Приток прямых иностранных инвестиций в страну в ближайшие годы должен вырасти на треть: с $51,9 млрд в 2011 году до $70-75 млрд, планируется также войти в топ-30 лучших стран по условиям ведения бизнеса.

Между тем отток капитала из России в 2011 г. почти удвоился по сравнению с 2010 г., превысив $84 млрд. Это максимальный показатель для некризисных лет [1], свидетельствующий, что инвестиционный климат в стране не благоприятствует долгосрочным вложениям.

Поиск инвестиционных ресурсов невозможен без привлечения внутренних инвестиций, которые сосредоточены как в институциональных, так и частных руках. Мобилизация инвестиционных ресурсов предполагает наличие развитой инфраструктуры инвестиционного процесса и разнообразия финансовых участников.

Существенный объем внутренних инвестиций мог быть обеспечен «длинными» деньгами Пенсионного фонда РФ и негосударственных пенсионных фондов, в которых сосредоточено около 3% ВВП, однако для экономического роста этих средств недостаточно. Судя по практике других стран, положительный эффект основывается на иных объемных показателях: например, в Чехии «пенсионные» деньги достигают 20-30% ВВП, а в США – превышают 100%.

Что касается института частных инвесторов, то из числа участников выпадают домашние хозяйства, где аккумуляция денежных средств достигает трети доходов, зарабатываемых населением. Норма сбережений домашних хозяйств к располагаемому доходу в России составляет около 15%. Это примерно соответствует уровню развитых стран, таких как Франция и Германия, где население сберегает соответственно 15% и 12% дохода. Однако она в два раза ниже уровня динамично развивающихся экономик Индии и Китая, где данный показатель достигает 30% и 36% соответственно. Риск потерять все накопления определяет структуру сбережений населения, которая на 99% сдвинута в сторону приобретения жилой недвижимости и банковских депозитов. Доля вложений россиян в ценные бумаги – менее 1% сбережений.